

ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ

Сов. культура - 1989 - 22 авг. - с. 4

Ольга Камастра

ПРОТИВ

Егора Прокудина

При всем знании и любви к Шукшину я, например, как бы заново смотрела такую картину, как «Ваш сын и брат». Нынешнему зрителю даже трудно поверить, что в свое время ее сильно поругивали критики — за почвенничество, за противопоставление города деревне (а считалось, что они тогда должны «стереть грани») и за многое другое. Нет, я отнюдь не хочу сказать, что этот фильм совершенный — отнюдь, быть может, даже самый несовершенный из всех фильмов Шукшина. В нем есть и назидательность, и декларативность, и разорванность, и несоразмерность отдельных частей. И действительная нарочитость в противопоставлении города деревне, а любая нарочитость всегда вредит искусству.

Но все можно простить этому фильму за его первую новеллу о возвращении блудного сына. Степан, один из сыновей Воеводина, не досидев три месяца до освобождения из колонии, сбегает оттуда: «Мне деревня каждую ночь снится...» — «Ну что ж ты теперь-то будешь делать? — тяжело вздыхает участник. — Ведь тебе два года припадают!» — «Ну и что ж, — отвечает Степка. — Я теперь отдышался».

Такой пересказ. Но это надо видеть — видеть, как то и дело возбужденный Степан похвывается сладкой жизнью в колонии и тем, что у них кино два раза в неделю показывают. И тихую, оторопелую, но какую-то боязливую радость родных и близких. И это удивительное, святящееся любовью и добротой существо — Немую, дочь Воеводиных. И ее же ужас, когда она первая узнает, что Степан сбежал и его сейчас увезут. Одним словом, всю эту краткую, как глоток родниковой воды, радость встречи и долгое-долгое горе прощания...

Природа массового зрелища — вот что нас здесь интересует. Мы уже согласились, что «массовое» еще не значит народное. В этом смысле народное работает, как правило, не на сегодняшний день, но на завтрашний, работает надолго. Можно было уже заметить, что второй раз «Спрут-1» смотрели с куда меньшим напряжением. Между тем фильмы Шукшина, напротив, все набирают и набирают зрителя. Его фильмы раскрываются нам как древние манускрипты. Или как редкие ра-

стения — постоянно, открывая страницу за страницей, как лепесток за лепестком.

Что, например, прежде всего улавливал зритель раньше в «Печках-лавочках»? Безусловно, сюжет, незамысловатый и ироничный, эту поездную сутолоку, путаницу воров и профессоров.

Сегодня вдруг особенно остро, актуально прозвучали мысли тракториста Ивана Расторгуева о цели и смысле его крестьянского труда. О том он мучается, что и сегодняшние социологи — об отсутствии связи труда и цели труда. Отпахал — и деньги получил. А уж там — будет урожай или нет, его как будто и не касается. То есть об отчуждении работника от плодов своей работы.

Мы сегодня гораздо больше вслушиваемся в тревоги и боли крестьянского человека, чем в байки и шутки. Куда больший смысл приобретают начальные эпизоды фильма — проводы Ивана Расторгуева, и деревенские вставки, прорезающие действие картины. Сколько, например, утраченной теплоты в сценах, где сидят на краю поля тракторист, отдыхает, рядом жена его с узелком, бутылкой молока, нехитрой снедью! Утраченной — потому что и впрямь все это видится нам сегодня как бы сквозь печальную дымку: такое трудовое и семейное единение. Нет, никто не хочет сказать, что нет у нас сегодня семей, подобных Расторгуевской, но сколько же в нашем реформаторском раже мы порушили самых основ существования таких семей! И потому и впрямь сегодня эти сценки кажутся нам сродни картинам «святого семейства».

А ведь Шукшин много-много лет тому назад уже кричал, уже бил тревогу о разрушении деревни, о гибели крестьянского уклада. «Да знали мы, знали все», — могут сказать иные. Знали-то знали, но одно дело — знать, а другое — чувствовать сердцем, душой болью. И с людьми делиться этой болью.

Ведь и его Егор Прокудин — это лист, сорвавшийся с крестьянского дерева. И ставший перекати-полем. А сколько у нас сегодня таких Прокудиных, быть может, еще не ставших уголовниками, но зато несущих в себе семя разрушения, оторванности от родного очага! С Шукшиным воевали, спорили, не соглашались. А сегодня мы уже повально, всесветно, не скрываясь, объявляем войну преступности.

А ведь какую щедрую дань платит этой преступности разоренная деревня!

Да, немало новых и тревожных мыслей рождают у нас сегодня шукшинские исповеди о человеке самого тяжелого на земле — крестьянского труда. И мысли эти будут плодиться и множиться тем больше, чем дальше уходим мы от времени создания фильмов Шукшина.

...Наши дни — дни серийной лихорадки. Встречаясь, люди так и спрашивают друг друга: «Смотрел вчера серию?» Даже не добавляют — какую. И так ясно — ту, что показывали вчера вечером. А про что, не важно. Может быть, из жизни милиционеров или французских санюлов или бразильских рабов. Первые поселенцы Америки путаются с покорителями Сибири, и фэргэшный Деррик, кажется, дает прикурить нашему рэкетире. Все смешалось в плотный клубок потребления. Неважно чего — рок-н-ролла, колготок, напитка «Фанта» или «Киносерпантина». Попробуй пробиться здесь с рассказом об одной человеческой судьбе — не серийной. Тебя и не узнают в лицо. Да и как узнаешь, если нет у тебя продолжения?

Далеко-далеко отошли времена штучного искусства. Такого, которое делалось на один раз. На одну серию. И не могло иметь никакого продолжения. Потому что было вещь в себе — единственной, уникальной. Теперь для искусства настали трудные времена — во-первых, всем некогда, во-вторых, не до того, в-третьих — серию передают. А еще — сессию. И там поинтереснее любого искусства.

Любопытно, как бы Шукшин сегодня заговорил с трибуны этой сессии?

Но его нет вот уже пятнадцать лет. Подумать страшно — сколько серий мы за это время посмотрели! Как отучили, оторвали, отомкнули нас от привычки принимать за один раз только одно! Опутали, как Лаокоона, змеями: не распрямиться, не положить рукой. Ну, только что к телевизору — от кресла дотянуться. А уж чтобы в кино пойти — ни-ни.

И трудно себе представить, какие толпы валили когда-то на «Калину красную», и даже кинокритику трудно было достать билет. А ситуация была обоюдоострая: накануне премьеры никто еще толком не знал, как это пойдет — по шкале шедевров или шкале «обидных неудач». Все смел на своем пути вал народного успеха.

И вот теперь другое поколение, через пятнадцать лет, смотрит «Калину». Серийное поколение — пробьется ли к нему Шукшин?

Недавно, говорят, оператор Анатолий Заболоцкий снял небольшую картину про ту самую старушку, которая сыграла самое себя и мать Егора Прокудина. Это была подлинная старушка, которую все забыли и бросили — даже собственный сын. И Егор Прокудин через свою «заочную невесту» посылает ей деньги... — страшный, дупераздирающий эпизод.

Так вот, умерла эта старушка, случайно попавшая в фильм Шукшина, так же сиром и заброшенно. Несколькими днями пролежала одна...

Дойдет ли тоска об этой старушке до сегодняшнего зрителя, кажется, уже оглушенного от постоянных сообщений о резне, убийстве, кровной мести и прочих столкновениях и насильственных смертях?

Как к ней пробиться — к этой душе? И не легче ли в самом деле ей, душе, упасть в цепкие, опытные объятия иностранного и такого нескончаемого «спрута»?

Валентина ИВАНОВА.